

Г. Н. Грачева

Погребальные сооружения ненцев устья Оби

Сибирь представляет собой огромную территорию, на которой в течение тысячелетий неоднократно происходили передвижения населения, формировались этнические общности, традиции одного народа передавались другому, который какое-то время находился с ним в контакте, и в то же время сохранялись старые традиции, сложившиеся в местах прежнего обитания той или иной группы. Национальный быт и верования, их сходство и различие с подобными сторонами жизни другого народа являются предметом исследования этнографа. В этногенетическом плане интересны обычаи, бытовавшие у определенной народности в прошлом. Погребальные сооружения и погребальный обряд несут в себе много традиционного. Это одна из сторон жизни, где наиболее проявляются прежние представления и обычаи. При изучении этой традиции в сравнительном плане у различных народов могут выявиться те или иные общности, свидетельствующие о связях или контактах одного народа с другим.

В 1966 г. Институтом этнографии АН СССР была предпринята экспедиция на п-ов Ямал, целью которой являлся сбор сведений о национальных отношениях в данном районе. Попутно, насколько это было возможно, собирались материалы по погребальному обряду и погребальным сооружениям ненцев. Экспедиция побывала в нескольких районах устья Оби. Эта область с давних пор была местом интенсивных контактов различных этнических групп. Статья написана по материалам, собранным в Южно-Ямальском, Приуральском и Надымском районах Ямало-Ненецкого национального округа. В этой работе мы стремимся дать наряду с некоторыми сведениями о погребальном обряде по возможности подробное описание конструкции типичного для ямальских ненцев погребального сооружения, а также других видов подобных сооружений, встречающихся на Ямале, и провести некоторые сравнения с погребальными сооружениями других народов. Настоящая статья носит предварительный характер и не претендует на этногенетические выводы.

Археологические находки на Ямале показывают, что до прихода ненцев с их кочевой оленеводческой культурой Ямал был заселен народом полуоседлого образа жизни, знавшим гончарство, пользовавшимся землянками, близкими по конструкции к жилищам северо-восточных морских охотников и рыболовов. Изучая эти находки, В. Н. Чернецов пришел к заключению, что ненцы появились на Ямале не раньше X в.¹

¹ В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал. СЭ, 1935, № 4—5, стр. 238.

Им же было описано погребение на мысе Хаэн-сале, относящееся к до-ненецкому населению. Умерший был погребен под земляным полом жилища, недалеко от входа. В. Н. Чернецов высказывает предположение, что после этого землянка была покинута.² В. Ф. Зуев, описавший быт самоедов в XVIII в., отмечает, что у них существовало наземное захоронение, когда делают «небольшой обрубец в длину человека, в который положи мертвого, закладывают прутьягом»,³ тут же кладут все прочее имущество, необходимое на том свете. «Закладывание» у самоедов гроба прутьягом отмечает и Н. Л. Гондатти. Он же говорит и о другом способе захоронения, при котором тело кладут на землю и покрывают опрокинутыми нартами.⁴

Исследователи описывают разные способы погребений у низовских обдорских самоедов, но почти все отмечают наличие сруба, изруба и т. п., в который вместе с умершим, в соответствии с представлениями о загробной жизни, кладут все необходимые вещи.⁵

Во время экспедиции 1966 г. было выявлено, что до сих пор основным способом ненецкого погребения на Ямале является наземный. Наиболее распространенный ненецкий гроб представляет собой дощатый прямоугольный ящик. Продольных боковых досок бывает две или три пары. Эти доски, как правило, несколько выступают за торцовые стенки. В парных погребениях, встречающихся довольно часто, бывает до четырех пар боковых досок. Торцовая стенка со стороны головы немного выше, чем со стороны ног, так что крышка гроба расположена наклонно от головы к ногам. Крышки бывают плоские и двускатные. Плоские состоят из двух или трех досок, положенных рядом; двускатные — из двух, положенных под углом своими длинными сторонами на некотором расстоянии друг от друга или встык, сверху накладывается третья доска. Под крышкой или верхней доской, если крышка двускатная, прокладывается береста или материя, часто свисающая по сторонам. Ящик устанавливается на две или три поперечные доски или плахи, положенные на землю, и скрепляется по бокам двумя или тремя парами высоких шестов или реек, нижние концы шестов проходят сквозь специально для этого сделанные отверстия нижних поперечных досок. Сверху на гроб укладываются параллельно нижним доскам поперечные планки, надеваемые на боковые рейки и прижимающие крышку. Иногда все сооружение приподнято над землей за счет дополнительных планок, на которые ставится ящик. Они надеваются на шесты и крепятся на них на некотором расстоянии от первых, лежащих на земле (рис. 1). Со стороны головы между верхними концами шестов крепится (надевается на шесты или прибивается) планка, на которую вешается колокольчик, или несколько звеньев цепочки, или два-три кусочка проволоки, соединенные между собой. Часто на ней укрепляется небольшой крест. Обращает на себя внимание то, что при такой конструкции ящик может быть и не сбит гвоздями. Окружающие планки и шесты удерживают его в собранном положении, так как ящик всегда должен быть плотно заполнен.

² Там же, стр. 121—122.

³ В. Ф. Зуев. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде инородческих народов остяков и самоедов. ТИЭ, нов. сер., 1947, т. 5, стр. 67.

⁴ Н. Л. Гондатти. Следы языческих верований у маньзов. ТОЛЕАЭ, 1888, кн. VIII, стр. 67.

⁵ См.: Л. В. Хомич. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966, стр. 217—223.

Такие сооружения встречаются везде, где возможно наземное захоронение.

Приведем некоторые сведения о похоронном обряде ненцев, которые нам удалось собрать во время экспедиции.⁶ Конечно, многие ненцы уже не хоронят так, как будет описано. Такой погребальный обряд постепенно уходит, уступая место новым традициям. Например, в Малоземельской тундре наземные сооружения сейчас почти не встречаются, о них вспоминают, как о чем-то очень давнем.⁷ Однако на Ямале старые обычаи еще достаточно живучи.

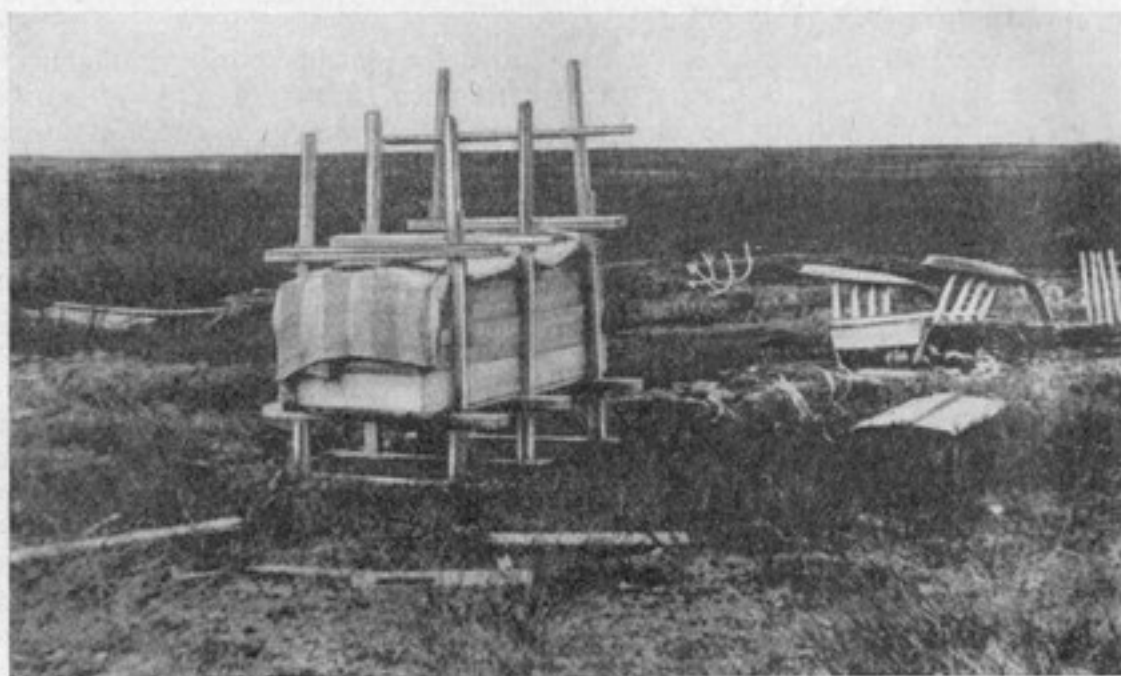

Рис. 1. Ненецкий гроб, поставленный на дополнительные планки. МАЭ, колл. № И-1943-203.

После наступления смерти покойный должен находиться в чуме или доме в течение следующей ночи. Вместе с ним в жилище ночует обязательно несколько человек. Если их не достаточно, то приглашают кого-либо из соседей. Готовить умершего к похоронам начинают на следующий день вечером или ночью, днем этого делать нельзя. Оставляют его в той же одежде, в которой он умер, в новую или лучшую не переодевают. Перед выносом тело вместе с головой завертывают в несколько оленьих шкур, чаще в покрывки чума. По одним сведениям, лицо до завертывания не закрывают (О. Езынги), по другим — обязательно закрывают куском сукна или шапкой (Л. Вэнго, Л. Анагуричи). Завернув в покрывки чума, обвязывают веревками от тех же покрывшек. Пока покойник в жилище, отправляются в лес за досками для гроба. Гроб носит название *тин*. Другие ненцы, опрошенные нами, кроме О. Езынги, приводили и другое название — *пэмб*. Оба термина обозначают понятие «гроб» иносказательно. Слово *пэмб* в таймырском и ямальском говорах происходит от глагола *пэмба(сь)* — складывать, нагру-

⁶ Основное описание погребального обряда давал ненец О. Езынги, родиной которого является Центральный Ямал, район оз. Яррото. Фамилии других информаторов-ненцев приводятся в скобках.

⁷ Устное сообщение Л. В. Хомич, 1968 г.

жать, в частности на лодку, на нарты; *тин* означает «амбар» и переводится как «гроб» в большеземельских и западных говорах. «Покойник» по-ненецки *хальмер*, «кладбище» — *хальмер'* (букв. — покойники).⁸ На прямо поставленный вопрос о погребальном сооружении ненцы отвечают «хальмер». Русское население также пользуется этим термином.

В лесу, прежде чем начать рубить дерево для гроба, полагается забить оленя. Срубленный лес перевозят к чуму. У чума забивают другого оленя, разделявают тушу, тут же на улице едят сырое мясо и пьют, затем приступают к сооружению гроба. На стружки, образовавшиеся от выделки досок, наступать нельзя. Позже, если оказывается, что гроб не заполнен, их помещают внутрь вместе с имуществом.

Выносят покойника головой вперед не через входное отверстие, а приподняв покрывку чума рядом с входом. Ненка Л. Вэнго из пос. Яр-сале несколько по-другому описала вынос тела из чума. По ее сведениям, входное отверстие чума обычно обращено на восток, а покойника выносят в противоположную сторону, т. е. на запад. По этой причине считается плохой приметой, если человек ложится головой в сторону, противоположную входу, — «туда уходит только умерший».

Похоронная процессия состоит из трех нарт, каждую из которых везет олень. Покойного кладут на легковую нарту, имущество, предназначенное для помещения в гроб, — на другую, грузовую, сам гроб ставится на третью. До того как процессия выйдет со стойбища, всех оленей, оставшихся возле чумов, собирают: они, гонимые собакой, должны обежать вокруг жилища, в котором умер человек, три раза по часовой стрелке. Хоронить идти могут все, кроме неженатых и незамужних молодых людей. Мать может взять с собой ребенка в люльке, если в процессии есть еще один ребенок, т. е. детей должно быть двое. По сведениям П. Вануйто из пос. Новый Порт, только одни родственники покойного не могут идти хоронить, в процессии обязательно присутствует человек из другой семьи. Он объяснил это тем, что родственникам стыдно будет плакать о покойном, им не будет так тяжело. В этом отношении интересны сведения Б. О. Долгих, касающиеся кетов. При возвращении кетов с похорон принимались определенные меры для «загораживания» дороги от покойного; если же на похоронах присутствовал человек другой фратрии, чем умерший, он шел последним, и этого было достаточно, чтобы «загородить» дорогу.⁹

Когда процессия выходит со стойбища, входные отверстия всех чумов закрыты. Оставшиеся находятся внутри чумов и не могут спать, пока ушедшие не вернутся. Во время пути на кладбище садиться на нарты с покойным, его имуществом и гробом нельзя. Придя к месту, где решено похоронить умершего, оленей, везших нарты, распрягают, соединяют вместе и припрягают к нартам, на которых лежит тело. Пять мужчин участвуют в их удушении. Разделяют туши, едят мясо, пьют кровь. Затем разжигают костер, варят часть мяса и приступают к установке погребального сооружения. В гроб умершего кладут на спину в вытянутом положении, туда же складывают его вещи. Все вещи немного портят. Стружки, оставшиеся от сооружения гроба, также кладут внутрь вместе с вещами. Если человек был беден, стружек кладут больше, так как все свободное пространство должно быть заполнено. Вероятно, здесь имеет место то же представление, что и у русских:

⁸ Н. М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. М., 1965, стр. 503, 660.

⁹ Б. О. Долгих. О похоронном обряде кетов. СА, 1961, № 3, стр. 104.

«Если гроб не в меру велик, то быть еще покойнику в доме».¹⁰ Снаружи у гроба со стороны головы ставят продырявленный котел или ведро. Нарты переворачивают и переламывают переднюю вязку (Л. Анагуричи, П. Вануйто). На тех нартах, которые мы видели на кладбищах, как правило, передняя вязка была цела, но были отщепы древесины у задних концов полозьев. Если умерший был хозяином жилища или главой семьи, в ногах около гроба ставят и низенький столик. Справа у головы втыкают хорей, если покойный был оленеводом. Захоронения с хореем в основном мужские. После установки всего сооружения снова едят и пьют. Льют у могилы немного вина, сыплют табак, раскладывают папиросы. Кости убитых оленей оставляют на кладбище, оставшееся мясо и шкуры берут с собой. Оленьи головы оставляют обязательно. Когда сидят у могилы, разговаривают о своих делах — о покойном говорить не принято. Перед уходом присутствующие три раза обходят по часовой стрелке захоронение и каждый ударяет в колокольчик или цепочку, подвешенную на деревянной планке над головой покойного. При возвращении с похорон никто не оглядывается назад. После этого чум семьи умершего переносят на другое место. Традиция переноса жилища настолько сильна, что нам рассказывали, как пенка после смерти своего отца покинула деревянный дом, который недавно предоставил ей для жилья сельсовет, и переселилась с мужем и детьми в чум.

Навещать покойного можно только спустя год, осенью, когда выпадет снег (Л. Анагуричи, П. Вануйто). В течение года поблизости от этого захоронения другое производить не рекомендуется. В действительности же постоянно встречаются на кладбищах захоронения, расположенные рядом и произведенные в одном и том же году. После первого посещения можно приходить в любое время. Каждый пришедший обходит погребение по часовой стрелке и ударяет в колокольчик, говоря при этом: «Вот я (такой-то) пришел тебя навестить». Некоторые объясняли нам наземный способ захоронения именно тем, что только тогда покойный «услышит», кто к нему пришел, а если он будет в земле, не будет «слышать». При каждом посещении по возможности забивают оленя. Оставшиеся после трапезы мясо и шкуру уносят домой, а головы оленей с рогами вешают на шесты, окружающие гроб. Посещают лет пять, самое большое — десять. Объясняют это тем, что больше ходить незачем, так как «покойник уже разложился, превратился в насекомое, жучка си».

Через 7—10 лет в некоторых случаях делалось изображение умершего (*цытарма*). Ненец И. М. Езынги из пос. Белоярск (правый берег устья Оби, родина И. М. Езынги — Байдарацкая тундра) объяснял, что *цытарма*¹¹ делалось как изображение умершего шамана. Через 5—7 лет после его смерти другой шаман шел на место захоронения и, возвращаясь, говорил родственникам, что труп уже разложился, покойник превратился в насекомое, «по земле ходит, на ноги встал, значит жить будет, просится к родным в чум». После этого шаман срезал верхнюю часть одного из шестов, окружающих гроб, и из нее изготовлял изображение, которое оставалось в семье умершего. В одной из ненецких семей Белоярска в 1966 г. хранилось два таких изображения. Женщина, у которой они хранились, называла одного из них своим дедом, умершим давно, другого — мужем. На каждом изображении было надето по три

¹⁰ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956 (см. «Гроб»).

¹¹ Подробнее о *цытарма* см. в настоящем сборнике статью Л. В. Хомич «О некоторых предметах культа надымских ненцев».

«платья», одно из них — белая орнаментированная малица — имело спереди вертикальный шов, идущий от ворота до края панды.

Насколько сохраняются старые обычаи, свидетельствует наиболее полное из встреченных недавнее захоронение, расположенное приблизительно в 15 км от пос. Ныда на правом берегу Обской губы (рис. 2). Умерший был положен ногами к реке, головой на юго-юго-восток, в таком же гробу, как описанный ранее. Под нижние поперечные доски было подложено снаружи продольно еще две доски. Со стороны ног стоял низкий столик, за ним по направлению от гроба к реке лежали перевернутые грузовые нарты, затем легковые. У передних концов нарт на-

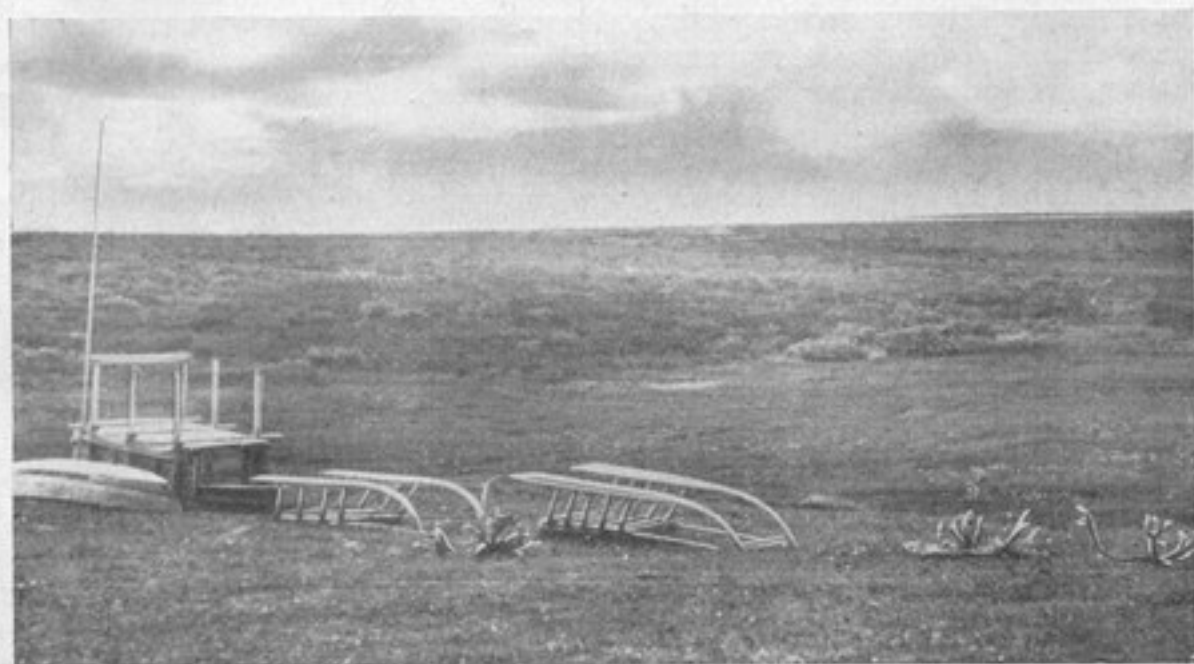

Рис. 2. Захоронение у поселка Ныда. МАЭ, колл. № И-1943-131.

ходились головы оленей. С правой стороны от покойного лежали деревянная рукоятка от пещи и перевернутая лодка, носом к реке. Столик был без ящика, лодка и нарты слегка поломаны. Под лодкой находилась лопата лопастью к голове и двухлопастное весло (ближе к гробу), часть лопасти весла (ближе к голове) была отщеплена. Одним гвоздем лодка за край борта была прибита к основанию правого у головы шеста погребального сооружения. На днище лодки лежала горсть больших гвоздей. Со стороны головы на земле стояла перевернутая и продырявленная большая эмалированная кастрюля. На некотором расстоянии от нее на юго-юго-восток обнаружилось кострище. Из-под перевернутой кастрюли через кострище тянулась довольно толстая белая веревка, проложенная по земле. За кострищем она заканчивалась сложным узлом, конец веревки торчал из узла бахромой. Поперек веревки через зольный круг от костра лежала довольно толстая березовая хворостина. Вербка и хворостина, пересекаясь в центре кострища, кончались почти сразу за его пределами. К планке над головой был прикреплен колокольчик 1806 г. изготовления, что следовало из обозначенной на нем даты. Справа у головы возвышался хорей.

Везде, где есть возможность, ненцы предпочитают хоронить наземно. У поселка захоронения располагаются группками, преимущественно недалеко от воды, на возвышенных сухих холмах. Расположение захо-

ронений поблизости друг от друга объясняется принадлежностью погребенных к одной семье. Родовой характер ненецких кладбищ отмечали многие исследователи и, в частности, Г. Д. Вербов.¹² Сейчас, очевидно, это правило строго не соблюдается, но не遠далеке от поселка стараются хоронить рядом членов одной семьи. Про одиноко стоящие в тундре могилы говорят, что покойник был безродным.

Погребальные сооружения несколько отличаются друг от друга. В этой связи интересны были бы данные о принадлежности захоронений той или другой фамилии. В этом может сказываться традиция рода. К сожалению, таких сведений почти нет.

Недалеко от районного центра Яр-сале в ненецком поселке Сюней-сале было обнаружено старое кладбище, расположенное на высоком берегу Оби. Последние захоронения, по свидетельству жителей, были произведены там в начале 30-х годов нашего века. Многие из них довольно хорошо сохранились.

Кладбище интересно тем, что на нем встречаются погребальные сооружения различных форм. Одна из них — захоронение в колоде (рис. 3). Оно небольшое по размерам, видимо детское. Встречаются захоронения в половинках лодок или сооружениях, напоминающих половинки лодок (рис. 4—6). Боковые части некоторых сооружений в форме лодок шиты кожаными ремешками или тальниковыми прутьями. Острые концы лодок отсутствуют. На их место вставлены доски, делающие концы тупыми. Нижняя часть некоторых сооружений сделана по типу лодки, а крышка плоская. В боковой стенке одного из них вставлена, по-видимому, лодочная доска, на которой заметны дырочки от шитья. В одном из таких сооружений — парное захоронение (см. рис. 6). Встречаются и обычные захоронения в прямоугольном дощатом ящике. Все виды сооружений имеют по бокам вертикальные шесты (от двух до шести) и планки, скрепляющие гроб. У некоторых нижние планки не видны, так как все кладбище заросло травой и кустарником. Отдельные сооружения над обычной крышкой типичного ненецкого гроба-ящика имеют еще настил из бревен (рис. 7), или несколько продольно положенных реек, или одно бревно, прибитое наискось к планкам, лежащим на крышке. Почти такие же захоронения с настилом, но более поздние, мы встретили в тундре на кладбище, расположенном у р. Хадыта-яха в 15—18 км на северо-запад от пос. Яр-сале (рис. 8).

Все описываемые захоронения в Сюней-сале наземные, но на кладбище, очевидно, имеются и погребения в земле или со временем оказавшиеся под землей, так как не исключена возможность постепенного засыпания их песком. На современном кладбище, расположенном по другую сторону поселка, некоторые недавние наземные захоронения уже до половины засыпаны. Раскопки на территории старого кладбища могли бы дать новые материалы, характеризующие население района.

Захоронения в колоде, в половинках лодок, в ящиках, похожих на лодку, для современных ненцев не характерны. Житель того же поселка Л. Анагуричи утверждает, что в половинках лодок или в лодках ненцы никогда не хоронили. В то же время О. Езынги встречал в тундре Ямала ненецкие захоронения под лодкой, когда тело было положено на землю. Эти виды сюнейсалинских погребений могут быть объяснены или древностью традиции, которая позже была утеряна, или внешним влиянием, или принадлежностью сооружений какой-то другой народности. Детские захоронения ненцев, встреченные нами, обычно не отличаются

¹² Г. Д. Вербов. Пережитки родового строя у ненцев. СЭ, 1939, вып. 2, стр. 64.

Рис. 3. Захоронение в колоде. Сюней-сале. МАЭ, колл. № И-1943-94.

Рис. 4. Захоронение в половинках лодки. Сюней-сале.
МАЭ, колл. № И-1943-100.

от захоронений взрослых людей. Одно детское захоронение недалеко от Яр-сале было произведено в небольшом ящике, напоминающем маленький домик, который был сверху накрыт материей и вставлен на некотором расстоянии от земли между стволами близко растущих лиственниц (рис. 9).

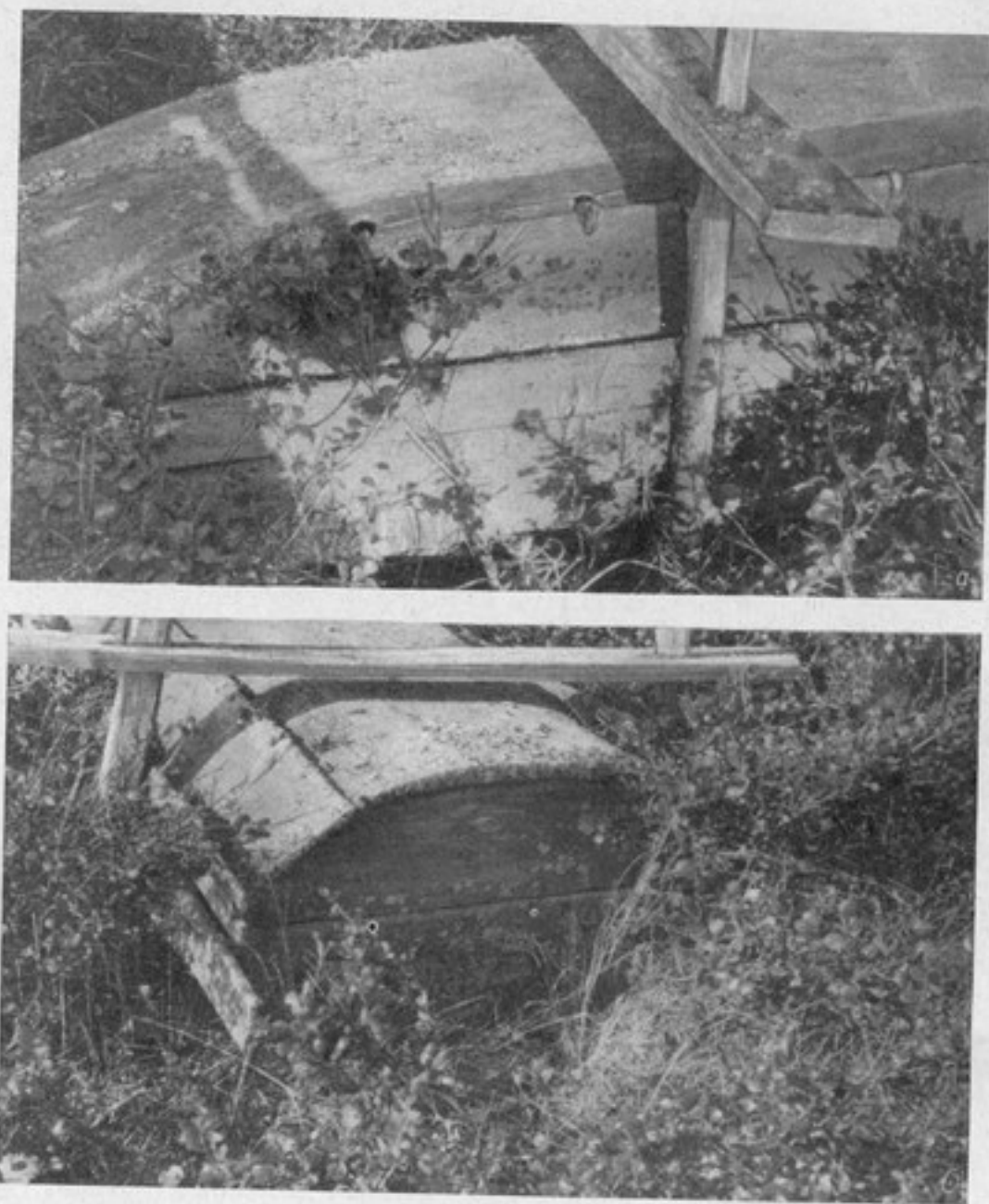

Рис. 5. Один из видов наземного захоронения. Сюней-сале. МАЭ, колл. № И-1943-96, 97.

а — вид сбоку; б — вид с торца.

Детские захоронения в колодах были распространены почти по всей Сибири. В частности, в колодах хоронили детей кеты и эвенки.

Захоронения в земле, — а иногда и наземные, — в лодках и в половинках лодок, в частности в долбленках, характерны для обских угров. Они обрезали острые нос и корму лодки и эти места заделывали досками. Захоронения в лодках найдены и в хантыйском могильнике на

о. Халас-Погор в низовьях Оби, относящемся к XVII—XVIII вв.¹³ Описывая хантыйские и ненецкие погребения, придавая большое значение вложенному инвентарю и указывая, что по его составу погребения

Рис. 6. Парное захоронение. Сюней-сале. МАЭ, колл. № И-1943-91.

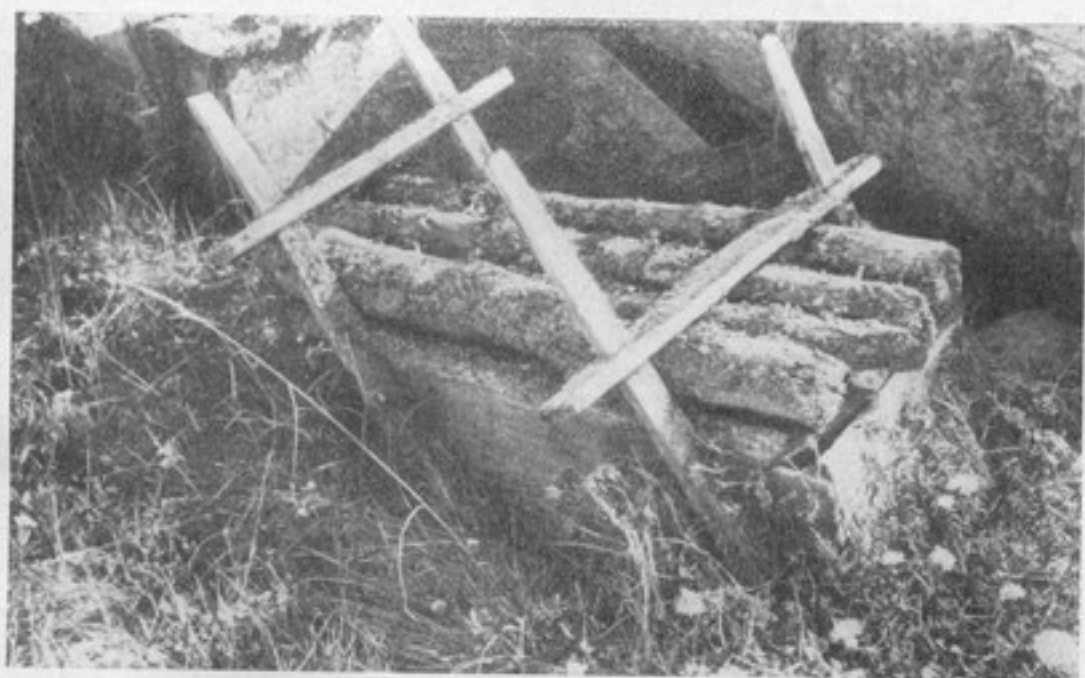

Рис. 7. Наземное захоронение с накатом из бревен над крышкой гроба. Сюней-сале. МАЭ, колл. № И-1943-90.

не различаются, В. А. Могильников, к сожалению, не говорит о конструктивных и вообще о каких бы то ни было различиях между ними,

¹³ В. А. Могильников. Элементы древних угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор на Оби. В кн.: Археология и этнография Башкирии. Т. 2. Уфа, 1964, стр. 265—270.

Рис. 8. Ненецкие погребальные сооружения возле Яр-сале. МАЭ, колл. № И-1943-123.

Рис. 9. Детское захоронение возле Яр-сале. МАЭ колл. № И-1943-69.

по которым можно было бы судить о принадлежности захоронения той или иной народности.

По свидетельству Н. Л. Гондатти, для захоронения у хантов может служить ящик, напоминающий по форме лодку.¹⁴ У северных хантов некоторые погребальные сооружения по внешнему виду такие же, как и ненецкие, но среди них появляются конструкции (рис. 10), в которых углы соединены в обло (МАЭ, колл. № И-795-170, 171).¹⁵

Встречаются захоронения в лодках и у эвенков.¹⁶ Селькупы кладут покойного в лодку, устанавливаемую внутри подземной погребальной камеры.¹⁷ Селькупские захоронения очень напоминают могилы манси

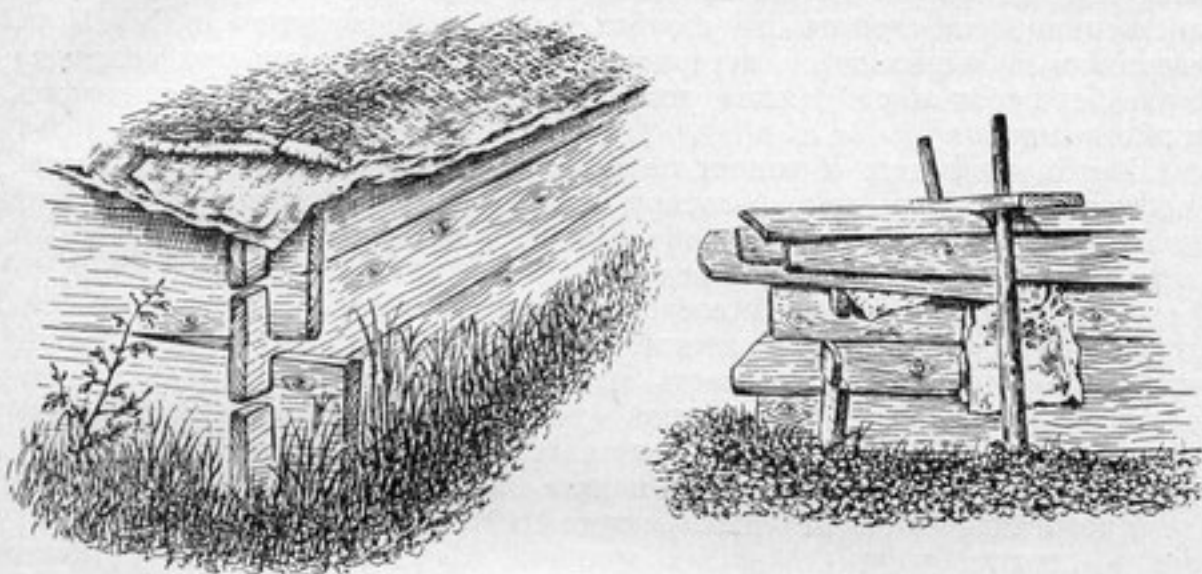

Рис. 10. Углы погребальных сооружений хантов низовьев Оби. Рис. С. И. Карпова с фотографий. МАЭ, колл. № И-795-170, 171.

XVII—XVIII вв., описанные В. Н. Чернецовым.¹⁸ Селькупские и мансийские погребения над подземной камерой имеют бревенчатый накат, где бревна располагаются вдоль гроба. Как мы видели, такой накат имеется и на некоторых наземных сооружениях ненцев в Сюней-сале и около Яр-сале. Аналогии ему можно найти и в материалах раскопок Тувинской комплексной экспедиции АН СССР. В 1959—1960 гг. при работах на могильнике Кокаль было вскрыто захоронение под курганом КЭ-32, произведенное в деревянном ящике, над которым на четырех столбиках с поперечными балками лежало 16 тополевых жердин вдоль могильной ямы.¹⁹

¹⁴ Н. Л. Гондатти. Следы языческих верований у маньзов, стр. 66.

¹⁵ Собирает В. Адрианов, 1937 г.

¹⁶ А. Ф. Анисимов. Шаманские духи по воззрениям эвенков. СМАЭ, 1951, XIII, стр. 242.

¹⁷ Доклад Е. Д. Прокофьевой «О похоронном обряде тазовских селькупов», прочитанный на ежегодной научной сессии в Государственном музее этнографии народов СССР в 1963 г.; Г. И. Пелих. Досамодийский тип жилища нарымских селькупов. В кн.: Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 1966, стр. 104.

¹⁸ В. Н. Чернецов. Представления о душе у обских угров. ТИЭ, нов. сер., 1959, т. 51, стр. 146, 147.

¹⁹ С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Памятники в могильнике Кокаль конца I тысячелетия до н. э.—первых веков н. э. ТТКАЭЭ, т. 2, 1966, стр. 222—225.

В связи с гипотезой южного происхождения самодийских народностей правомерны сравнения ненецких погребальных сооружений с погребальными сооружениями койбалов, маторов, карагасов, камасинцев. К сожалению, такого материала крайне мало и по нему трудно судить о конструкции сооружений. Известно, что тубалары клали покойника в гроб и ставили в горах или привязывали на деревьях.²⁰ Маторы, очевидно, поступали так же — «увязывали покойников своих промеж досок и клали их для истления на дерева».²¹ Койбалы в XVIII в. хоронили умерших на деревьях²² или, завернув в бересту, оставляли на лабазах.²³ Имеются сведения, что так же хоронили шорцы.²⁴ Сообщение начала XIX в. говорит об обычае бельтиров подвешивать гробы к сучьям лиственниц или ставить на столбах.²⁵ Гробы бирюсинцев в XVIII в. «состояли из сырых досок, веревками связанных, а между ими положена была березовая кора и одна доска сверху»; они тоже подвешивались к лиственницам.²⁶

В этих сведениях обращает на себя внимание тот факт, что маторы, бирюсинцы и, возможно, бельтиры для гроба вытесывали доски, а не употребляли неотесанные мелкие стволы или жердины, которыми, казалось бы, было легче воспользоваться.

В то же время многие исследователи отмечают у тех же народов захоронение в земле или наземное, когда труп закладывали прутьем или камнями. Внутренняя часть могилы кумандинцев²⁷ очень похожа на внутреннюю часть селькупской (по Е. Д. Прокофьевой) и мансийской (по В. Н. Чернецову). Сходство с некоторыми ненецкими сооружениями — в наличии над гробом наката из бревен.

Много аналогий с ненецким можно найти в описании С. И. Вайнштейна погребального обряда тувинцев-тоджинцев²⁸ (вынос через стенку, противоположную входу, молчание во время похорон и откочевка после них), но сооружение представляло собой бревенчатый сруб, сложенный в обло, чего нет в ненецких погребениях.

Интересна традиция воздушного захоронения тувинских шаманов.²⁹ Гроб, приподнятый над землей на столбах, по внешнему виду представляет собой небольшой деревянный домик. Но конструкция и приемы соединения деталей совершенно отличны от ненецких. Скорее напрашивается сравнение с якутскими арангасами.

Очень много общего в похоронных обрядах ненцев и кетов. Кетский погребальный обряд подробно описывают Б. О. Долгих³⁰ и Е. А. Алексеев.³¹ У кетов до последнего времени существовало два способа погребения: наземный (на лабазе, в пне дерева) и в земле. При захоронении в земле кеты обкладывали могильную яму со всех сторон досками,

²⁰ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, стр. 156.

²¹ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов... Ч. III. СПб., 1776, стр. 16.

²² Народы Сибири. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1956, стр. 399.

²³ Б. О. Долгих. О похоронном обряде кетов, стр. 107.

²⁴ Там же, стр. 108.

²⁵ Гр. Спасский. Народы, кочующие вверх реки Енисея. Сибирский вестник, 1818, ч. I, стр. 18.

²⁶ Там же.

²⁷ Устное сообщение и рисунок Ф. А. Сатлаева, 1967 г.

²⁸ С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961, стр. 192—194.

²⁹ Л. П. Потапов. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя. ТТКАЭЭ, т. 1, 1960, стр. 224—232; В. П. Дьяконова. О погребальном обряде тувинцев. ТТКАЭЭ, т. 2, 1966, стр. 63.

³⁰ Б. О. Долгих. О похоронном обряде кетов.

³¹ Е. А. Алексеев. Кеты. Л., 1967, стр. 195—209.

не сколачивая их. Над лицом укрепляли дощечку, входящую концами в землю стенок могилы. Кроме того, часто покрытием могильной ямы служили продольно уложенные в ряд тонкие стволы кедров. Е. А. Алексеев приводит ряд сведений о могильниках, относящихся к XVI—XVII вв. и принадлежащих предкам чулымцев, тюркизированным аринам, качинцам, где для покрытия гроба из несбитых досок использовались продольно положенные деревянные плахи. При захоронении на лабазе покойного иногда клали в ящик из несбитых досок, покрываемый сверху берестяной тиской.³² Скрепление перекладинами гроба как при захоронении на лабазе, так и под землей отсутствовало. Несомненно, традиция современного ненецкого захоронения вынесена на Север из районов лесной зоны. В тундре невозможно найти материал для обычной формы наземного погребального сооружения. Если во время кочевки умирает человек и нет досок для гроба, его заворачивают в шкуры, кладут на нарты и возят с собой, пока не раздобудут доски. Специально ездят за ними в лесную полосу, используют для этой цели даже доски пола чума. Ни одного сооружения, сложенного из прутья или в виде сруба в обло из некрупных стволов, которые легче достать в сравнительно близких районах лесотундры, мы не видели. Привлекает внимание и сам факт создания таких сооружений именно из досок.

Некоторые аналогии дает сравнение с погребальными сооружениями энцев и иганасан. Энцы хоронят в дощатом ящике, неглубоко зарывая его в землю. Скрепляющих шестов и планок нет. При выносе покойного разбирают весь чум, оставляя только шесть основных шестов.³³ Если ненецкую могилу окружают шесть шестов, считается, что умерший похоронен очень хорошо.³⁴ Иганасаны хоронят детей в дощатом ящике, устанавливая его на четырех листовенничных столбах³⁵ или привязывая высоко к ветвям дерева. У них же зафиксирован способ погребения, когда тело, завернутое в шкуры или материю, оставляется на нартах, около которых устанавливаются четыре шеста, скрепленные вверху двумя поперечными планками, надетыми на шесты³⁶ так же, как у ненцев.

Обычное ненецкое погребальное сооружение очень напоминает по конструкции описанное и привезенное в МАЭ (колл. № 1004-22) эвенкийское шаманское захоронение, обнаруженное В. Н. Васильевым в 1905 г. в районе оз. Ессей северо-восточнее Туруханска.³⁷ Гробница шамана поднята над землей на двух столбах. По бокам через нижние и верхние поперечины проходят шесты, скрепляющие наружный гроб и делающие его более устойчивым. Вся постройка несколько наклонена, так что голова шамана расположена выше, чем ноги. Способ скрепления досок такой же, как ненецкий: те же шесть высоких шестов и даже такая же перекадина у концов шестов над головой. Это шаманское захоронение имеет внутренний долбленный гроб. Ориентировано оно головой на северо-восток, лицом на юго-запад. Все сооружение было помещено в ограду. Описания подобных нешаманских эвенкийских гробниц встречаются у Р. Маака. В частности, описывается гробница богатого тунгуса-оленевода на берегу р. Эякит в Вилюйском округе. В этом случае внутренний гроб отсут-

³² Там же, стр. 208.

³³ G. D. Verbov. Funeral Rites among the Enets (Yenisei Samoeds). Popular Beliefs and Folklore Tradition in Siberia. Budapest, 1968, p. 123.

³⁴ Устное сообщение ненца Г. Пуйко, 1966 г.

³⁵ Устное сообщение и диапозитивы археолога Л. П. Хлобыстина, 1967 г.

³⁶ Архив ИЭ, ф. 14, оп. 1, илл. № 35.

³⁷ V. Wasiljew. Ein tungusisches Schamanengrab. Clobus, Bd. XCVI, № 20 bes., St. Petersburg, 1909, S. 314—317.

ствуется. Умерший ориентирован головой на северо-восток.³⁸ Там же зафиксированы Мааком и другие подобные захоронения.

Такие совпадения не случайны. На основании лексического материала из района Мангазеи-Таза и к северу от Турухана Г. М. Василевич предполагает, что в этих самодийских районах до XVII в. жили эвенки, носители южного диалекта эвенкийского языка.³⁹ Она же подтверждает продвижение эвенков на запад с бассейна Вилюя и Лены вниз по долине Нижней Тунгуски.⁴⁰ С XVII в. эвенки постоянно жили в тесном контакте с самодийцами по низовью Енисея, а затем в бассейне р. Турухан и верховьев р. Таз.⁴¹

Конечно, само по себе очень интересное изучение конструкций погребальных сооружений возможно только при одновременном изучении погребального обряда и всей духовной культуры народа. Однако остаются неизвестными многие моменты, в частности ориентация ненецких захоронений. Вероятно, этот вопрос надо тщательно выяснять на месте. Он представляется довольно сложным, так как на традиционный ненецкий погребальный обряд и на ориентировку погребений оказывало влияние христианство — и непосредственно, и через коми, многие из которых, например в районе Белоярска, до сих пор отмечают все христианские праздники. Пока можно только отметить, что ненецкие кладбища, которые мы видели, расположены возле рек; но, по предварительным наблюдениям, по сторонам света погребения располагаются по-разному. Вопрос же, как должен лежать умерший, у ненцев не вызывает сомнений. Ответ обычно бывает: «Лицом на запад. Должен уходить туда, где темно» (Г. Пуйко, И. Езынги). Интересно выяснить и породу дерева, из которого изготавливаются доски гроба. Требуется дополнительный сбор сведений по представлениям ненцев о загробной жизни; изучение фольклорного материала может приоткрыть кое-какие стороны этого вопроса. Целесообразно выяснение родовой принадлежности захоронений; лингвистический анализ терминов, связанных с этой традицией, также мог бы дать много нового. По некоторым сведениям, ямальские ненцы не всегда хоронили так, как описано, но провести исследование исторической смены одного вида погребения другим или их сосуществования на раннем этапе пребывания самодийцев на Севере пока не удастся в связи с большими лакунами в материале.

³⁸ Р. Маак. Вилюйский округ Якутской области. Ч. III. СПб., 1887, стр. 104.

³⁹ Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948, стр. 158.

⁴⁰ Там же, стр. 182.

⁴¹ С. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. ЗРГО, 1906, т. 31, ч. I, вып. 1, стр. 162—167; Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. ТИЭ, нов. сер., 1960, т. 55, гл. XIII.